

Веч. Москва — 2000. — 31 янв. — с. 5

На графских развалинах

Татьяна Назаренко не торопится плясать лезгинку на обломках прежней жизни

Екатерина ЦВЕТКОВА

Татьяна Назаренко на «обломок империи», согласитесь, не похожа

Художница Татьяна Назаренко молодеет. Не только внешне. Чем дальше — тем в ней больше здорового юношеского оптимизма («До основания, а затем...»).

Дарья АКИМОВА

Новая ее выставка в музейно-выставочном центре РОСИЗО (столичная богема, пришедшая на вернисаж, в скромную залу не поместилась) пророчит смерть цивилизации вслед за кончиной тысячелетия (называется: «Конец тысячелетия — гибель империи»). Столь радостные перспективы обыкновенно вдохновляют только очень продвинутых и очень молодых художников.

Впрочем, слово «художник» не без помощи все тех же продвинутых потеряло свою определенность. То есть «человек, который работает с холстом», вымер. У Татьяны Назаренко был долгий роман с картоном (то она творила силуэты подземного московского «Перехода», то современных «Рабочего и колхозницу»). Теперь продемонстрировала публике любовь к снимающей технике и инстал-

ляциям. «Конец и гибель» — это фотографии и большой красивый объект, обозначающий развалины советского села с некогда развитой технической базой.

Смысл и вид объекта: мы все сидим в большой-большой, хотя и не лишенной романтического обаяния, Луже то есть. В луже валяется ржавая жесть, сквозь которую пророс борщевик (его еще называют медвежьей дудкой). Причем (по Назаренко) он и рос-то из земли не кудрявым и зеленым, а сразу — сухим и бесцветным, как весь окружающий мир. И вымахал он до неба, и выпил из земли все соки, и наступила зима (теплого времени года у Т. Н. почти нет). И ничего живого не осталось.

Только лежит на земле красивое женское тело (автопортрет, между прочим) — самым фактом своего существования контрастирует с бессмысленной дисгармонией бытия. Или вон на соседнем фото ростки чего-то теплого, зеленого и пшеничного. Они слегка не в фокусе, но — прорисовываются. Мы уже и впрямь подумали, что земля умерла. А она затаилась на время.

Вот империя — она, может, и ушла безвозвратно. Но Назаренко и не думала плясать лезгинку на обломках прежней жизни. Иногда ее, кажется, даже тянет над ними порыдать. И зрителей тоска разбирает по чему-то хорошему и светлому — наверное, по каникулам в деревне, останкам элеваторов (они кому-то заменяли графские развалины) и неистребимым зарослям медвежьей дудки. Но это ничего — ностальгия пройдет, тем более что Назаренко обещала всех ностальгирующих вывезти к себе на пленэр, в ту самую реальную деревню, где шли съемки. Да и в настоящем неплохо. По крайней мере, с красивыми художницами у нас в России все в порядке.

У работ Назаренко времен «Конца и гибели» названий нет. И так все понятно.